

и Виктор

В его голосе есть тайна, которую нам не дано разгадать. Тридцать три года он приходит к микрофону, чтобы и в дождь, и в смуту мы услышали друг друга и не забыли о главном...

Тоска по Татарскому

Жизнь. правда. - 1994. - 24 авг. - с. 2.

ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

Что мне в этом голосе? Я его редко теперь слышу. Я его больше помню. Голос Виктора Татарского... За ним ощущается Дом во все свои четыре стены, открытое окно в сад, дорога до калитки, наш вечерний маленький двор и над всем этим — четко очерченный купол, близкий небесный полог, назначенный укрывать меня.

...Когда Татарскому было двадцать семь, он придумал передачу «Встреча с песней». Она идет по радио уже почти тридцать лет. И третье поколение слушателей принимает и радиоприемникам, когда звучит мелодия «Одинокой гармонии» и слышится голос, неизменно серьезный и сокровенный.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что те люди, которые не так давно сообщали нам о каких-то очень важных событиях, о вещах великих, горьких и радостных для всех, — сейчас эти голоса озвучивают котировку акций, рекламируют окорочка. Ваш голос, к счастью, не затаскан рекламой, и вы не участвуете...

— В течение трех лет ко мне обращаются с предложениями о рекламе. Я вспоминаю об этом, когда мне вдруг безумно хочется «войти в рынок», тоже приобщиться..., но я вспоминаю о своей передаче, о «Встрече с песней». Я же там говорю о вещах серьезных, вечных... Меня эта передача останавливает. Я не могу перейти через это. А что касается других — не буду их осуждать. Каждый выбирает сам, на что он идет. Это его право. Мне кажется, серьезный актер долго думает, прежде чем решиться. У нас много хороших актеров снимается в рекламе. Они вынуждены этим заниматься. Их довели до этого. Часто ссылаются на Запад: а вот на Западе прекрасные актеры рекламируют подтяжки... Милые мои! Там же это делается на ином эстетическом уровне, а во-вторых, там это принято, и никто не смотрит на артиста, как на продавшегося человека. В России совершенно другой мир, уж так повелось. Восприятие актерской работы в обществе совсем иное у нас, и мы должны с этим считаться. Да, мы проповедники, да, мы пастыри. Я не о себе говорю, а о замечательных актерах, которые вот уходят и уходят прямо один за другим.

— Многие слушатели потеряли вашу передачу несколько лет назад, когда она исчезла с первой программы...

— Это случилось в девяносто первом году. Какое-то время мне давали возможность делать вариант передачи по «Радио России», а в первых числах девяносто третьего года сообщили, что больше нет нужды в ретрансляции «Встречи с песней». У нас должны идти только наши передачи, сказали они...

— Я узнал, что в СССР вашу передачу слушали около восьмидесяти миллионов человек. Теперь многие из них не только не слышат вас, но и не знают, выходит ли вообще «Встреча с песней»?

— Мы живы. «Встреча с песней» выходит в эфир каждую первую и третью пятницы каждого месяца в 21 час по московскому времени на волнах «Радио 1», это третья кнопка трехпрограммника, или по радиоприемнику. У кого дома динамик с одной программой — тот, конечно, давно меня потерял. «Встречу с песней» слушали в тюрьмах, больницах, интернатах... Сколько я писем отсюда получал! За что этих людей отрезали от передачи — не знаю. Только в Петербурге передачу транслируют по городскому радио, и я очень благодарен за это моим землякам.

— В вашей передаче всегда было что-то петербургское. Не холодность интонации, но сдержанность...

— В Москве я в сорок шестого года, а родился в Питере в тридцать девятом.

— Значит, вы блокадник?

— Да, я всю войну был в Питере. До мая сорок пятого я ничего не помню, провал полный. Сахара мозг не получал... И вот — девятое мая, я на Питерской набережной. По Неве выстроены парадным строем все корабли Балтийского флота, швартовавшиеся в Ленинграде. На них — гирлянды огней. Салют! — и я просыпаюсь. Я очнулся! Мне было шесть лет, но до этого будто ничего не было...

— А радио, эти черные тарелки и огромные ламповые приемники?..

— После войны это уже не было какой-то новинкой, и, честно говоря, я не был в детстве под обаянием радио. Я рос скептически настроенным. Любил футбол, был вратарем. Но когда я был в пионерском лагере в Софрино, мне вдруг захотелось залезть в радиорубку. Был жаркий солнечный день, все ушли купаться, а я забрался в радио-

рубку, где работал мой приятель, и стал крутить Утесова, Шульженко, Бернеса, давние старые пластинки. Они уже тогда были старыми. Перед каждой пластинкой я объявлял, что исполняется: и автора музыки, и автора стихов, и исполнителя, и оркестр. Я старался, хотя знал, что в лагере никого нет. Ну, может быть, где-то неподалеку играли в футбол местные мальчишки. И вот это был ген радио. Рядом никого нет, но я могу порадовать людей где-то там, далеко, тем, что мне нравится...

— У вас много друзей?

— Да какое там, господь с вами... У вас много, Дима? Ну вот, о чем же говорить.

...Слушал Виктора Татарского, легко отрешиться от происходящего за окном. Его голос звучит по радио, как знак погружения в себя. Может, поэтому его так слушали и слушают в местах, отдаленных от домашнего уюта. Его голос дает ощущение родных стен и одолимости разлук, даже самых горьких и непоправимых.

— Мне кажется, что ваша передача выходит уже целую вечность...

— Премьера была 31 января 1967 года.

— Целую жизнь тому назад... Спать тогда укладывались рано, и ваша передача заменяла мне вечернюю сказку. Вместе с делом мы слушали, а потом минут двадцать у нас были такие затихающие разговоры. Впереди была суббота... А был ли за эти годы случай, что вы не вышли в эфир?

— Ни разу. И что меня самого более всего поражает и вдохновляет, это не то, что передача 27 лет идет в эфире, а то, что она идет без перерыва! Что бы ни случилось, она плывет, как корабль с хорошей оснасткой. Была цензура, были случаи, когда передача висела на волоске, но она все-таки выходила.

— Сохраняются ли старые передачи в архиве?

— Да, по крайней мере на сто лет, пока пленка будет держать запись, передачи сохраняются. Я сейчас часто обращаюсь к своему же архиву и достаю те записи, которых давно нет в фонотеке радио.

— Много ли вам сейчас пишут?

— Раньше больше писали фронтовики. «Встреча...» началась с поиска старых фронтовых песен, по разным причинам не звучавших в эфире — либо они были просто запрещены для эфира, либо их не было в записи. Фронтовики уходят, передача остается их детям и внукам, и пишут сейчас больше люди до тридцати пяти лет.

— Вас, наверное, уже не раз спрашивали: не стоит ли «обновить» передачу? Не надоело ли вам...?

— Надоело бы, будь вокруг стабильность, ясность целей и стабильность в выборе средств. Куда мы идем?

Всякий раз, пытаясь ответить на этот вопрос, вспоминаю Александра Николаевича Островского. Помните, в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» старик Мамаев замечает: «...Мы куда-то идем, куда-то ведут нас, но ни мы не знаем — куда, ни те, которые ведут нас...» Так пусть хоть эта передача будет стабильной — и по своей форме, и по своей сути.

— Как вы готовитесь к выходу в эфир?

— Накануне записи я стараюсь вести себя по возможности прилично. Когда приезжаю на радио, я ни с кем не общаюсь, вхожу в студию, начинаю записывать текст. До этого я ничего не ем, пью чай или кофе, курю... Я нахожусь совершенно в особом состоянии. Я несу себя как кувшин, стараясь не расплескать. И даже если меня вызовет руководство, я извинюсь через оператора, но останусь в студии. Мои постоянные операторы — Елена Садовая и Володя Ростов. В аппаратной невозможно присутствие случайного лица. Над письмами я работаю дома: читаю, сокращаю общие места, повторы и думаю над тем, что я отвечу, если вообще необходим ответ, но я не знаю, как. Это должно родиться у микрофона. И в студию я прихожу с письмами. Я должен видеть почерк человека, должен видеть коммент — у микрофона, в момент общения. Если бы письма были перепечатаны на машинке, я бы потерял ощущение человека. Я по почерку вижу многое...

Татарский любит паузу. На фоне нынешней комментаторской скороговорки его паузы кажутся мхатовскими. Но только лишь кажутся. На самом деле они, по его словам, не превышают трех секунд. За эти три се-

кунды можно услышать, как протекает время и жизнь становится внятной.

«Встреча с песней» придает ценность и достоинство мелочам — каким-то давним запискам, взглядам, случайным встречам на вокзалах, на танцах, в кино... «Когда-то давно, в приморском парне... до войны, я услышала... не могу назвать, не помню название... но помню, что была счастлива».

Татарский ищет эти давно погашенные звуки, находит — пусть даже в домашней записи, присланной из Самары, извиняется за качество звучания, и — летят в эфир знаки неугасимого счастья, иероглифы любви, понятные двоим, а, может быть, всего лишь одному.

А мы слушаем эти мелодии, не понимая всего смысла событий, но угадывая за ними таинственность и своего бытия...

— Вам не хочется повторить старые выпуски, как иногда повторяют «Голубые огоньки»? Передача сейчас кажется особенно ностальгической — как мелодия «Одинокой гармонии»...

— Эта гармонь стала еще более одинокой, но я не люблю слова «ностальгия», это не совсем точное слово. Передача моя не говорит о том, что все хорошее осталось только в прошлом... А повторять «Встречу...» я не стану. С людьми за это время свершилось очень многое. Они писали мне в первом порыве, как правило — в тот же вечер. Писали об очень личном и очень важном тогда... Кого-то, наверное, уже нет на этом свете, и не надо их тревожить.

— А радио вообще вы слушаете? Другие передачи?

— Конечно, когда бредусь. У меня приемник настроен на средние волны, перебегаю с «Радио России» на «Радио 1», на молодежный канал, сравниваю...

— Грустно, что исчезают человеческие голоса в эфире. Вспомним Бабанову, Литвинову, Смоктуновского... Очень разные голоса, но за каждым из них — звук, цвет, запах времени...

— В свое время я закончил курс Игоря Ильинского и Михаила Царева в училище имени Щепкина при Малом театре. Это очень хорошая школа речи и слова. И сегодня самая большая моя грусть оттого, что все дозволено: дикое произношение, неверные ударения, немислимые конструкции фраз. И столько времени тратится в эфире на необязательные разговоры, эканья и мэканья, а то вдруг начинают жевать у микрофона и прихлебывать что-то. Идут обвалы ненужных слов. Я уже не говорю о фальшивом тоне. Ведущий будто сидит на Олимпе и обращается к тем, кто копошится внизу.

Радио всегда было первым, кто ставил заслон мусору в языке, радио было эталоном произношения... Но, знаете, я не хотел бы превращаться в какого-то сноба. Да пусть как хотят, так и говорят. Если общество это слушает и терпит, значит, заслужило.

— Вы не мечтаете о своей радиостанции?

— Я человек, наверное, очень верный — тридцать три года в главной музыкальной редакции радио. Как сказано в Писании: «Не торопись менять место, где ты находишься...» Мне не хочется суетиться, и я буду на «Радио 1» до тех пор, пока это радио существует. Пока люди слушают «Встречу...» и пишут мне. Самая большая радость — от писем... Я начинаю полагать, что все происходящее со мной и этой передачей предопределено. Случайное в жизни вообще ничего не происходит — ничего!

— Представьте себя просто слушателем «Встречи...», и вот вы сидите и пишете на радио письмо. О какой песне вы бы попросили?

— Я бы вообще нигде писать не стал. Пошел, выпил бы с другом. Я привык разбираться как-то сам с собой. И песни у меня какой-то особо любимой нет. Сапожник обычно без сапог, вот и я без своей любимой песни.

— Вы прислушиваетесь когда-нибудь к музыке подземных переходов, к уличным музыкантам?

— Очень редко. Останавливаюсь, когда могу отдать денюги. А когда их нет — чего останавливаться?.. Но недавно мальчишка у нас на Давлате блистательно играл на скрипке.

7 апреля 1989 года, когда в далеком Северном море гнала подводная лодка «Комсомолец», а страна еще ничего не знала об этом, шла в эфир, как обычно, по пятницам, «Встреча с песней». И звучал в ней «Спасите наши души». Что это было — наитие, мистика, случайность?

Об этом не знает до сих пор и сам Виктор Алямович Татарский. А может быть, нам об этом и не нужно знать. Главное, что прозвучало «Спаси».

«Спаси наши души! Мы бредим от удушья...»

Дмитрий ШЕВАРОВ.